

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной работе
Башкирского государственного университета,

проф., д.хим.н.

В.П.Захаров

ОТЗЫВ

ведущей организации федерального бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный университет» о диссертации Макуриной Надежды Андреевны «Пародия в творчестве Ф.М.Достоевского», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 — «Русская литература»

Диссертация Надежды Андреевны Макуриной уже самой формулировкой темы производит впечатление весьма амбициозной работы. Это впечатление усиливается по мере чтения. В самом деле, исследование пародии «как неотъемлемой части эстетической стратегии Достоевского, одного из принципов художественного преломления жизненного материала» (с. 3) у Н.А.Макуриной подается ещё и как исследование творческой связи Достоевского с Гоголем. То есть тема, не раз изученная самыми крупными «грандами» отечественного и зарубежного литературоведения, в этой диссертации берётся ещё и в одном из самых тщательно прокомментированных аспектов. Возникает резонный вопрос: что нового здесь удалось увидеть исследовательнице? Возможно ли найти на этом поле до сих пор не вспаханную борозду?

Как это будет показано ниже, Н.А.Макуриной удалось ответить на эти вопросы вполне утвердительно. Однако стоит отметить, что автор диссертации сумела несколько затруднить свою и без того трудную задачу.

Последнее замечание касается прежде всего теоретико-методологических аспектов работы и её понятийно-терминологического аппарата. Прояснению этих вопросов посвящена первая глава диссертации — «Теоретические аспекты проблемы литературной пародии». Первые два параграфа этой главы носят историографический характер. Обзор различных теорий пародии, который здесь даётся (как и вообще стремление исследовательницы теоретически обосновывать свои аналитические суждения), производит, конечно, благоприятное впечатление. Макуриной, в общем, удается соблюсти необходимый баланс между реферативной полнотой и пониманием собственных исследовательских нужд; она не теряется в огромной массе научной литературы, выбирая из неё именно то, что нужно.

Можно, разумеется, найти и здесь некоторые основания для критики. Так, например, С.А.Кибальник, при всех своих неоспоримых научных заслугах, все-таки не первым ввёл в обиход литературоведения термин «криптопародия» (с. 55). Почти за двадцать лет до выхода цитируемой в диссертации статьи Кибальника криптопародиями назвал некоторые тексты Чехова Р.Г.Назиров¹. Сам по себе этот казус, может быть, и не столь важен, но работы Назирова могли бы, между прочим, весьма помочь исследовательнице. К примеру, сравнительно недавно опубликованная в одном из главных периодических изданий отечественного достоевсковедения статья Назирова «Гоголевская традиция и “Скверный анекдот” Достоевского»² посвящена, по сути, пародийной связи рассказа Достоевского с «Шинелью» Гоголя. Причем, это именно ‘криптопародия (хотя конкретно в этой работе Назиров не употребляет этого термина), анализ которой даётся в тесном соотношении с творческой биографией писателя. Цитируемая же Макуриной единственная прижизненная монография ученого, «Творческие принципы

¹ См.: Назиров Р.Г. Пародии Чехова и французская литература // Чеховиана. Чехов и Франция. М.-Paris, 1992. С. 48—51; Его же. Достоевский — Чехов: пародия и преемственность // Филологические науки. — 1994. № 2. С. 3—12.

² Назиров Р.Г. Гоголевская традиция и «Скверный анекдот» Ф. М. Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. № 32. СПб.: 2014. С. 181—196.

Достоевского», важнейшую для диссертации проблематику затрагивает только вскользь.

Более серьёзные теоретико-методологические возражения встречает используемый Макуриной термин «обратная пародия». Обратная пародия действительно всегда представляет собой «более серьёзную и глубокую разработку темы» (с. 56), однако это «углубление» происходит вне связи с её комическим или подчёркнуто серьёзным тоном. Так, философская глубина «Евгения Онегина» вполне позволяет понять роман Пушкина как обратную пародию на ряд сентиментальных текстов европейской литературы, но это совершенно не мешает пушкинскому тексту местами быть чрезвычайно смешным. С другой стороны, прямая пародийность также не всегда требует комических эффектов: Ставрогин в «Бесах» — образ, в отдельных аспектах пародирующий лермонтовского Печорина, однако можно ли говорить о том, что этот герой Достоевского комичен?

Кроме того, непонятно, как обратная пародия (да и вообще пародия) может быть неосознанной (см., например, с. 25 диссертации)? Обратимся к тому определению термина, к которому приходит сама Н.А.Макурина по итогам историографического обзора: «...пародия — это снижающий, осмешняющий(юмористический) или высмеивающий (сатирический) противотекст, стилистически и идеологически связанный с прецедентным текстом» (с. 58). Главное в этом (и любом другом) определении пародии — связь между ней и исходным текстом. Эта связь должна осознаваться вне зависимости от комического, трагического, прямого или обратного характера текста пародии.

Другое дело, кем именно эта связь осознаётся. Вероятно, можно говорить и о пародийном «впечатлении», соединяющем в рецептивном поле два текста, не связанных ничем кроме типологического сходства. С точки зрения читателя здесь и возникает пародия, «неосознанная» автором. Подобный подход, хотя отчасти и легитимизированный в современной исследовательской практике, может увести нас очень далеко от нормы научной мысли. Подтверждение этому — вопрос, которым задаётся Н.А.Макурина на 57-й странице диссертации: «...могут ли пародия

явиться раньше своего серьезного “двойника”?» На наш взгляд, ответ тут однозначен: такое возможно только в увлечённом сознании исследователя.

Другим примером подобной увлечённости может служить предлагаемая Н.А.Макуриной классификация пародии (с. 59). Так, «по авторской мотивировке» пародии предполагается разделять на осознанные и неосознанные. Думается, что авторская мотивировка — понятие, не исчерпывающееся «осознанностью». Скорее, по этому принципу пародии можно было разделить на сатирические и юмористические, однако этого исследовательница не делает (хотя имплицитно в диссертации это разделение проводится). С другой стороны, разделение пародий на «простые» и «сложные» «по количеству пародируемых объектов» в диссертации задействовано значительно слабее. В целом, эта беглая классификация производит впечатление поспешной и не до конца продуманной, её необходимость не очевидна.

Эти критические замечания не имеют целью «обнулить» представленную диссертацию. Они лишь подчёркивают сложность и неоднозначность её теоретической проблематики. Пожалуй, самым ярким плюсом работы является то, что на этом, отчасти избыточном, фундаменте Н.А.Макурина сумела построить нетривиальное исследование конкретной историко-литературной проблематики. Теоретико-методологические замечания к её диссертации вполне уравниваются интересом, который вызывает собственно аналитическая часть. Здесь можно отметить многое; остановимся на некоторых наиболее выразительных деталях исследования.

Возвращаясь к началу нашего отзыва, повторим, что «Достоевский и Гоголь» — едва ли не самая старая и популярная тема критических и научных штудий о Достоевском. Тем не менее, Н.А.Макуриной, как нам представляется, удалось сообщить размышлению об этой теме новую динамику. Так, хорошо известно, что первый дебют Достоевского волею судьбы (орудием которой явился Белинский) был помещен в активный гоголевский контекст. Отмежевание от великого предшественника, художественная полемика с ним при заимствовании и трансформации его приёмов — одна из важнейших линий творческого развития

Достоевского. Но вот гоголевский контекст второго, послекаторжного дебюта писателя исследован в гораздо более узком аспекте. По сути, вслед за Тыняновым исследователи почти всегда комментировали исключительно интертекстуальные связи того же «Села Степанчикова» с гоголевским художественным и биографическим текстом. Но, как убедительно показывает Н.А.Макурина во второй главе «Пародия как инструмент формирования художественного целого в повести Ф.М. Достоевского “Село Степанчиково и его обитатели”», «жизнестроительство» самого Достоевского, начавшего планировать своё возвращение в литературу, по всей видимости, ещё в конце каторги, не менее сильно зависело от сложной психологической связи с Гоголем и его наследием (причем, не только текстуальным, но и мемориальным). Отсюда автопародийные черты в образе Фомы Фомича и в описаниях его отношениях с Ростаневым, отсюда и двойственное авторское отношение к Опискину и к Верховенскому-старшему, продолжающему в творчестве Достоевского тип «приживала-интеллектуала». Новая, усиленная акцентировка гоголевских контекстов послекаторжных произведений и литературной стратегии Достоевского, представляется нам весьма удачной научной находкой.

В этом месте теоретические рамки работы становятся несколько тесны. Гоголевский контекст послекаторжного Достоевского не исчерпывается пародией. Разумеется, выйти за рамки темы, определённой в начале работы, невозможно, однако с пародийностью тесно связана подражательность. Нельзя ли рассматривать своеобразный «провинциальный этнографизм» и попытки создать комически эффектный сюжет в «Селе Степанчикове» и «Дядюшкином сне» как проявления не полемически-пародийного, а вновь «ученического» подражания? Не является ли позднее (само-)ироническое отношение Достоевского к этим повестям («...вещичка голубинового незлобия и замечательной невинности. Еще водевильчик из нее бы можно сделать, но для комедии — мало содержания...» — письмо М.П.Федорову, 19 сентября 1873) завуалированным признанием неудачи стратегии второго дебюта?

Эти вопросы отчасти выходят за рамки диссертации, однако ответы на них обозначили бы перспективу дальнейшей разработки темы, а значит, *реальную* научную эффективность представленного исследования.

Не менее интересны и комментируемые Н.А.Макуриной в первом параграфе третьей главы «Прямая и обратная пародия» в творчестве Достоевского» пародийные связи послекаторжных текстов с личностью В.Г.Белинского. При этом исследовательница, видимо, осознаёт, что сопоставление речей героев Достоевского с высказываниями Белинского по принципу идеологического сходства может быть оспорено (см. с. 151—152). Многие взгляды Белинского типичны для его эпохи, восприняты им через многочисленных посредников, дополнительно банализированы поклонниками и подражателями. Может быть, в комических послекаторжных повестях Достоевского отразился не столько реальный Виссарион Григорьевич, сколько обобщенный, коллективный «Белинский» середины века, вобравший в себя, разумеется, и реальные черты «прототипа»? С такой поправкой установленная пародийная связь, на наш взгляд, вполне может считаться научным фактом.

В диссертации Н.А.Макуриной подкупает та смелость, с которой она подходит к комментированию и анализу самых исследуемых тем отечественной науки о Достоевском. Ещё раз это качество проявилось в последних двух параграфах третьей главы, где исследуются пародийные связи романов «Идиот» и «Бесы». На наш взгляд, более убедительной выглядит трактовка образа Степана Трофимовича Верховенского как «интертекстуальной обратной пародии» (с. 203) на Фому Фомича Опискина. Но и показанные исследовательницей пародийные связи романа «Идиот» и его центрального образа с первыми послекаторжными повестями Достоевского заслуживают научного интереса и дальнейшего комментирования.

Высказанные в первой половине настоящего отзыва замечания не умаляют актуальности, научной ценности, а также и новизны результатов конкретного историко-литературного анализа. Диссертация прошла необходимую апробацию, её ключевые положения адекватно отражены в автореферате и необходимом

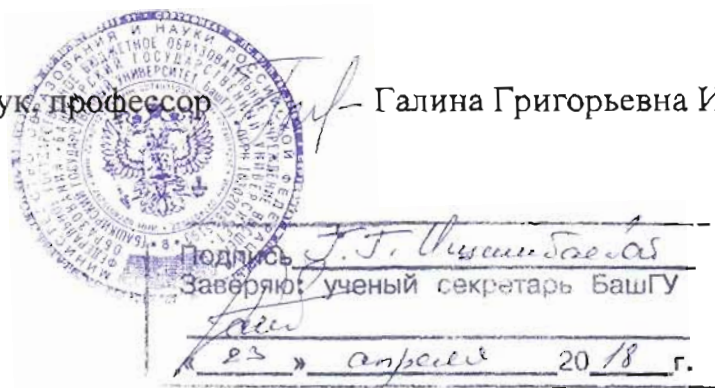
количестве научных публикаций. Всё это означает, что диссертация Надежды Андреевны Макуриной «Пародия в творчестве Ф.М.Достоевского» является самостоятельной, целостной научной работой и полностью соответствует требованиям пп. 9-14 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям. Н.А.Макурина заслуживает присуждения ей искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 — Русская литература.

Отзыв составлен доцентом кафедры русской, зарубежной литературы и издательского дела федерального бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный университет», кандидатом филологических наук Сергеем Сергеевичем Шауловым.

Отзыв обсужден и утвержден кафедры русской, зарубежной литературы и издательского дела от 20 апреля 2018, протокол № 8.

Заведующий кафедрой
русской, зарубежной литературы
и издательского дела
доктор филологических наук, профессор

Галина Григорьевна Ишимбаева

Сведения о ведущей организации:
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Башкирский государственный университет». 450076, Россия, Республика Башкортостан, г.Уфа, ул. Заки Валиди, д.32. Тел.: 8(347)272-63-70, Факс: 273-67-78 E-mail: rector@bsunet.ru